

БЕСКОНЕЧНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

БЕРНАРДА
ВЕРБЕРА

ТРИЛОГИЯ
«ОТЦЫ НАШИХ ОТЦОВ»

отец наших отцов

последний секрет

смех циклопа

БЕРНОР ВЕРБОР

СМЕХ ЦИКЛОПА

Москва
2019

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
В31

Bernard Werber

LE RIRE DU CYCLOPE

Copyright © Editions Albin Michel et Bernard Werber - Paris 2010

Перевод с французского *Аркадия Кабалкина*

Дизайн обложки и иллюстрация *Виктории Лебедевой*

Вербер, Бернар.
В31 Смех Циклопа / Бернар Вербер ; [перевод с французского А. Кабалкина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с.

ISBN 978-5-04-105868-5

Когда в гримерке после выступления находят тело известного комика Дариуса по прозвищу Циклоп, за расследование берутся журналист Лукреция Нимрод и ее давний друг Исидор Каценберг. Единственные из всех они подозревают, что Циклоп умер не своей смертью. Очень скоро обнаруживается, что в происшествии замешано таинственное сообщество GHL. Кроме того, они находят некий лагерь, содержимое которого несет гибель всякому открывшему его. А еще оказывается, что смех — явление куда более загадочное, сложное и опасное, чем принято считать. Неужто смех может убить?

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105868-5

Посвящается Изабель

Человеку свойственно смеяться.

Франсуа Рабле

Я считаю, что телевизор очень способствует образованию.

Как только кто-то его включает, я иду в другую комнату
и сажусь за хорошую книгу.

Граучо Маркс

Смеяться можно над чем угодно,

но не с кем попало.

Пьер Депрож

Мы — не люди, порой переживающие духовный опыт,

но духовные существа, переживающие опыт
человеческого бытия.

Пьер Тейяр де Шарден¹

¹ Франсуа Рабле (1494–1553) — французский писатель-сатирик. Граучо Маркс (1890–1977) — американский актер-комик. Пьер Депрож (1939–1988) — французский юморист. Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) — французский католический мыслитель.

АКТ I

НЕ СМЕЙТЕ ЧИТАТЬ

1

Почему мы смеемся?

2

— ...И тогда он прочитал последнюю фразу, расхохотался и умер!

По огромному залу парижской «Олимпии» пробегает неудержимая дрожь. Но ее немедленно сменяет столь же безудержное ликование.

Взывает волна коллективного восторга, округлая и твердая, как огромный бокал шампанского. Бокал лопается, зал разражается аплодисментами.

Юморист Дариус приветствует зрителей.

Это низкорослый человечек, один глаз у него голубой, другой закрыт черной пиратской повязкой, светлые волосы слегка вьются, на нем розовый смокинг и розовая бабочка на белой рубашке с кружевным жабо.

Он скромно улыбается, делает реверанс, отступает на шаг назад. Вся публика в легендарном зале вскакивает и устраивает ему еще более бурную овацию.

Артист приподнимает свою черную повязку. Вместо отсутствующего глаза в глазнице помигивает лампочкой пластмассовое сердечко.

Зрители дружно прикрывают себе правой рукой правый глаз: это знак признательности, принятый среди поклонников комика.

Дариус возвращает повязку на место и медленно отступает в глубь сцены, слегка помахивая рукой и кланяясь.

Зал оглушительно скандирует его имя:

— ДА-РИ-УС! ДА-РИ-УС!

Но уже задвигается тяжелый бархатный занавес. Гаснут прожектора, освещавшие сцену, а в зале, наоборот, стремительно светлеет.

Публика все неистовствует:

— БРАВО! БИС! БРАВО! БИС! БРАВО! БИС!

Но комик, обливаясь потом, убегает за кулисами все дальше. Зал никак не унимается, он упорно скандирует:

— ЦИКЛОП! ЦИКЛОП! БИС! БИС!

Перед гримерной Дариуса собралась толпа его обожателей, закупорившая коридор.

Звезда пожимает протянутые руки, как будто срывает цветы. Отвечает на реплики, принимает подарки, благодарит.

По его спине бегут волны нервной дрожи. Утирая лоб, он приветствует, приветствует своих поклонников. Пробиваться через плотную возбужденную толпу очень нелегко. Проникнув наконец в гримерную, он просит телохранителя постараться, чтобы его больше не беспокоили.

Он запирает дверь, на которой красуются его портрет и имя, на две защелки замка.

Проходит несколько минут.

Телохранителю удается отеснить толпу, он вступает в разговор с пожарным, как вдруг оба слышат взрыв смеха в гримерной Дариуса, потом звук падения.

И тишина.

3

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ.

РОЗОВЫЙ КЛОУН ОТКЛЯНЯЛСЯ.

ЛЮБИМЕЙШИЙ ФРАНЦУЗ ВСЕХ ФРАНЦУЗОВ
УМЕР В «ОЛИМПИИ» ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА.

ПРОЩАЙ, ДАРИУС, ТЫ БЫЛ ЛУЧШИМ.

Под такими заголовками выходят газеты следующим утром.

Эта тема открывает выпуск новостей в час дня.

«Новость прогремела вчера в 23.30. Прославленный юморист Дариус, прозванный Дариусом Великим, а также Циклопом — настоящее имя Дариус Мирослав Возняк, — скоростижно скончался от сердечного приступа после выступления в «Олимпии». Это ужасное событие потрясло всю Францию. Блестящая карьера жестоко оборвалась в зените славы. Наш специальный корреспондент находится на месте трагедии».

Длинная вереница фигур в плащах, прячущихся под зонтиками, тянется через телеэкран. Люди стоят под проливным дождем в очереди к кассе элитного мюзик-холла. Журналист машет микрофоном перед камерой.

— Увы, Жером, здесь вчера вечером скончался, к всеобщему изумлению, Дариус Великий. Но здесь же, как объявили сегодня утром, состоится торжественное представление в память о Циклопе. Это будет историческое шоу, на которое все его друзья-юмористы явятся в облике розового клоуна и представят его миниатюры. Как видите, лишь только об этом стало известно, масса поклонников бросилась приобретать билеты.

Ведущий благодарит корреспондента и сообщает с экрана:

— Президент республики направил родным Дариуса соболезнование, в котором говорится:

«Кончина Циклопа — утрата не только для мира театра, но и для всей страны. В лице Дариуса я лишился не просто одного из самых веселых моих сограждан, но и друга, дарившего мне, как и многим французам, мгновения радости даже в самых сложных ситуациях».

Отложив листок, ведущий по-ученически складывает руки.

— Дариуса Возняка похоронят узким кругом родных и близких на кладбище Монмартр в четверг в 11 часов утра.

4

«Будь у меня выбор, я хотел бы умереть спокойно, во сне, как мой дед. Главное, не орать в панике от ужаса, как 369 пассажиров «Боинга», который дед пилотировал за несколько секунд до гибели».

Из скетча Дариуса Возняка
«После меня хоть потоп».

5

Вторник, 11 часов, время большого совещания в редакции «Общество» журнала «Геттёр Модерн». Оно проходит в кабинете заведующей редакцией Кристианы Тенардье, похожем на огромный аквариум.

Заведующая закидывает ноги в сапогах на мраморный столик.

На широких кожаных диванах расселись полтора десятка журналистов. Для пущей важности они шуршат газетами, вертят в пальцах блокноты, ручки, портативные компьютеры.

— Понятно, что захотят найти в нашем следующем номере читатели, поэтому за дело! Долой придирки! Перед нами зияющая брешь, и мы кидаемся в нее сломя голову. Делаем специальный номер «Смерть Циклопа».

По немногочисленным присутствующим пробегает ропот одобрения.

— Ежедневники уже высосали тему досуха, и теперь наша задача — раскопать что-то неожиданное. Свеженькое! Экстраординарное! Эксклюзив! Молниеносные предложения по кругу. Твои предложения, Максим?

Она указывает подбородком на журналиста, притулившегося справа к батарее.

— «Дариус и политика», — предлагает он.

— Слишком банально. Любому известно, что его обхаживали все партии, а он делал вид, что поддерживает их все, на самом деле не поддерживая ни одной.

— А мы разовьем тему. Он представлял собой среднего француза. Французские низы. Бедняки узнавали в нем себя, они наконец получили официального представителя. Потому его выбрали «любимейшим французом всех французов». Тут можно поискать свежий угол зрения, попробовать ответить на вопрос: «Почему его так любил народ?»

— Вот именно, возникает риск педалировать популизм. Давайте без демагогии. Дальше. Ален?

— «Дариус и секс». Составим список его побед. В его постели побывало немало знаменитостей. Некоторые выглядели довольно фотогенично в обнаженном виде. Наши страницы будут возбуждать!

— Слишком вульгарно. Это не соответствует имиджу нашего журнала, мы работаем не для черни. А главное, папарацци многовато дерут за свои снимки. Следующий.

Флоран Пеллегрини, ведущий криминальный репортер, являет свой прекрасный лик со следами сорокалетнего пьянства и не спеша произносит:

— «Дариус и деньги». Я знаком со Стефаном Краузом, его бывшим продюсером, он с радостью поведает мне о его обширной экономической империи. Дариус владел настоящим замком в парижском пригороде. Учредил филиалы «Циклоп Продакшен» за границей. Следил вместе с братьями за всей маркированной продукцией и уже начал получать приличную прибыль. Поверьте, сердечко в глазу — выгодный торговый знак.

— Слишком материалистично. Другие предложения? Франсис?

— Тайны трудной молодости, обстоятельства несчастного случая, стоившего ему правого глаза. Как он использовал этот свой изъян, как превратил его в символ своей узнаваемости. Я уже придумал заголовок: «Реванш Циклопа».

— Слишком слащаво. Вся эта ностальгия, несчастный ребенок-инвалид, борющийся за место под солнцем, — зачем нам выжимать столько слез? Не говоря о том, что

все это видено-перевидено, читано-перечитано. Нет уж, напрягитесь, ставки очень высоки. Шевелите мозгами! Следующий. Клотильда? Есть предложения?

Журналистка вскакивает, как прилежная школьница.

— «Дариус и экология»? Он поддерживал борцов с загрязнением окружающей среды и даже участвовал в демонстрациях против атомных электростанций.

— Опять слащавость. Все звезды сейчас объявляют себя борцами за экологию, это модно. Какой примитив! Впрочем, чего еще от вас ждать...

— Но, мадам...

— Никаких «но, мадам»! Ваши идеи, моя бедная Клотильда, всегда либо пустые, либо не в тему. Вы напрасно теряете время, пытаетесь стать журналисткой, вам гораздо больше подошло бы... пасти коз.

Те, кому весело, не стесняются хихикать. Возмущенный взгляд бедняжки, уязвленной до глубины души.

— А вы... Вы вообще...

— Кто? Ну, кто я? Стерва? Сучка? Шлюха? Прошу вас, найдите точное определение. Если у вас нет предложений лучше этого идиотизма с «Дариусом и экологией», то замолчите, прекратите красть у нас время.

Клотильда Планкоэ срывается с места и выбегает, хлопнув дверью.

— Побежала реветь в туалет. Нервы ни к черту. А еще мнит себя крупным репортером! Следующий! Какие еще будут выдающиеся предложения?

— «Дариус и молодежь». Он открыл Школу смеха и театр молодых талантливых комиков, то и другое без всякой корысти. Все заработки шли на поддержку начинающих юмористов.

— Слишком просто. Нужно что-то поострее, чтобы выделиться на фоне других журналов. Что-то по-настоящему удивительное, о чем никто не подозревает. Ну же! Не вижу, чтобы вы шевелили мозгами!

Журналисты переглядываются, не находя вдохновения.

— А вдруг смерть Дариуса... — это убийство?

Заведующая редакции «Общество» Кристиана Тенардь оборачивается на произнесшую эти слова Лукрецию Немрод, молодую научную журналистку.

— Полный идиотизм. Следующий.

— Подождите, Кристиана, пусть разовьет свою мысль, — предлагает Флоран Пеллегрини.

— Глупее не придумаешь. Дариус убит? Почему тогда не самоубийство?

— Я в начале пути, — сообщает Лукреция нейтральным тоном.

— Ну, что это за «начало пути», мадемуазель Немрод? Немного выждав, та отвечает:

— Пожарный зала «Олимпия» стоял перед примерной Дариуса, когда тот скончался. Он утверждает, что слышал хохот Дариуса за несколько секунд до его падения.

— Ну и что?

— По его словам, Дариус хохотал во всю глотку, прежде чем рухнуть на пол.

— Бедная моя Лукреция, вы взялись конкурировать с Клотильдой в области тупых предположений?

Несколько журналистов шушукаются. Максим Вожирар, всегда спешащий поддержать начальство, говорит:

— Убийство? Это невозможно, Дариус находился в примерке, запертой на ключ изнутри, перед дверью дежурили его телохранители, их еще называют «розовыми костюмами» — не люди, а шкафы. Последние сомнения исчезают по той причине, что на теле не было ни царапины.

Молодая журналистка не намерена отступить.

— Громкий хохот за несколько секунд до смерти... Лично мне это кажется очень странным.

— С чего бы это, мадемуазель Немрод? Договаривайте, сделайте одолжение.

— Комики редко смеются, — не лезет за словом в карман молодая женщина.

Заведующая редакцией роется в сумочке и извлекает оттуда гильотинку. Потом, достав кожаный футлярчик, она берет из него сигару, нюхает и кладет под гильотинку, чтобы отрубить кончик.

Флоран Пеллегрини чиркает на листочке, как будто его посетила какая-то мысль.

Молодая научная журналистка выдерживает паузу и начинает объяснять:

— Обычно производители не употребляют того, что производят, потому что знают, из чего это сделано. Врачи не торопятся лечиться. Виктор Гюго, объясняя свое нежелание читать сочинения других романистов, говорил, что «коровы не пьют молоко».

Несколько коллег одобряют услышанное, и Лукреция Немрод набирается уверенности.

— Модные стилисты сплошь и рядом плохо одеты. Ну а журналисты... не верят написанному в журналах.

Небольшая аудитория перешептывается — свидетельство того, что она попала в точку. Флоран Пеллегрини незаметно пододвигает ей исчерканный листок. Молодая журналистка, глянув в него только мельком, продолжает:

— Мы, люди этой профессии, знаем, что вытворяют с информацией: здесь и манипулирование, и искажение, и неточность. Откуда взяться доверию? Думаю, для комиков тоже не секрет, как рождаются шутки, поэтому их очень непросто рассмешить.

Две женщины молча, с вызовом смотрят друг на друга.

Одна состязаящаяся — заведующая редакцией «Общество» журнала «Геттёр Модерн» Кристиана Тенардьё: костюм «Шанель», блузка «Шанель», часики «Шанель», духи «Шанель», крашенные в рыжий цвет волосы, в карие глаза вставлены голубые линзы. Возраст 52 года, из них 23 в журналистике. Многие засвидетельствовали бы, что она доросла до нынешнего завидного поста благодаря своему таланту к кулуарным интригам. Не написав за всю карьеру ни одной статьи, не имея на своем счету ни одного журналистского расследования, она неуклонно

карабкалась наверх. Ходят слухи, что она обязана своим успехом тому, что спала с начальством с верхнего этажа, но, учитывая ее внешность, в это слабо верится.

Другая состязаящаяся — Лукреция Немрод, 28-летняя журналистка. В редакции «Общество» она трудится недавно и имеет статус «постоянного внештатного сотрудника», специализирующегося на научных сюжетах. Не нажив титулов, она все же имеет в своем активе шесть лет расследований и сотню репортажей. Молодая женщина тоже рыжая, но, в отличие от своей начальницы, может похвастаться натуральностью масти, о чем свидетельствуют веснушки у нее на щеках. Глаза у нее миндалевидные, изумрудно-зеленого оттенка. Что до лица, то остренький носик делает ее похожей на землеройку, но с грациозной шеей и с мускулистой подвижной фигурой, стройность которой подчеркивает черная блузка с китайской стойкой и с вышивкой — пронзенным мечом золотым драконом. Да, еще круглые голые плечики.

Кристиана Тенардь закуривает сигару и молча попыливает — у нее это признак напряженного раздумья.

— «Циклоп — жертва убийства» — это была бы оглушительная сенсация, не так ли? — выдавливают Флоран Пеллегрини. — Так мы поставили бы шах и мат ежедневным изданиям.

Заведующая редакцией выдыхает долгожданное облако дыма.

— ...или утратили бы всякое доверие и превратились в посмешище для всего Парижа. — Она сверлит взглядом молодую журналистку, но та не опускает глаз. В этой безмолвной дуэли сквозит та враждебность, которой всегда захлебываются претенденты на власть: Александр Великий бросал вызов своему отцу, македонскому царю Филиппу II, Брут пристально смотрел на Цезаря, прежде чем ударить его кинжалом, Даниэль Кон-Бендит не боялся в 1968 году вооруженного до зубов спецназа. Того, кто моложе, всегда обуревают одна и та же мысль: «Прочь с